

УДК - 811.35

DOI: 10.35330/1991-6639-2019-4-90-68-76

СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ К ПЕРЕВОДАМ ЭПИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

С.М. АЛХАСОВА

Институт гуманитарных исследований –
филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: kbigi@mail.ru

Рассматриваются способы перевода фольклора. Автор уделяет внимание истории перевода адыгского фольклора. Представлены результаты накопленного к настоящему времени материала адыгского устно-поэтического творчества. Подчеркивается, что и переводчикам, и теоретикам литературного перевода, работающим в области литератур малых народов России, в данном случае – адыгской литературы, допустимо проводить анализ применительно к национальным фольклорным текстам, а именно – Нартскому эпосу. Анализ перевода текстов будет продуктивным только в том случае, если помимо устойчивого воспроизведения метафорической дихотомии «адекватный \ неадекватный перевод», необходимо учитывать культурно-исторический аспект, в котором обсуждаемые вопросы приобретают конкретность (становятся культурно-исторической реальностью). Уделяется внимание разработке теоретических проблем или частных-теоретических вопросов. Показано, что проблемы, занимающие автора статьи, носят пока ещё экспериментальный характер. В собирании, публикации и переводе фольклорного материала принимали участие представители разных поколений.

Актуальность исследования обусловлена тем, что анализ строится на собранном за полтора столетия богатом и разнообразном материале. Автор показывает, что адыгский фольклор представляет собой традиционное искусство устного слова со своими неповторимыми выразительными средствами живой речи, сложившимися на протяжении многих веков. Доказано, что сердцевину адыгского фольклора составляет Нартский эпос. Представлены результаты анализа методов и приемов перевода эпического текста. Поднимается вопрос о крайне вольных, свободных способах перевода фольклора. Актуальность исследования еще и в том, что эти проблемы на современном этапе четко определяются.

Автор приходит к выводу: это не готовые рецепты к переводу эпического текста, но предлагается частично авторская разработка проблемы.

Научно-методические выводы из теоретической части работы представляют собой как результат анализа ряда опубликованных работ, так и итог собственных наблюдений над особенностями процесса перевода, которые автор вел в течение ряда лет своей деятельности по обучению студентов КБГУ основам профессионального перевода.

Ключевые слова: фольклор, способы и методы перевода, поэтический, апоэтический текст, Нартский эпос, максимальная адекватность, лингвистический, фольклористический.

Проблема перевода фольклорных текстов, в нашем случае – Нартского эпоса – это прежде всего проблема культурно-историческая. Вот почему важно и актуально рассматривать перевод «Нартов». Адыгский Нартский эпос – в числе выдающихся эпических памятников мира, и его популярность растет. Если с течением времени все тексты эпоса будут переведены на русский язык (желательно перевести затем и на английский язык, чтобы отобразить Нартский эпос в полной мере и в мировой культуре) с наибольшей точностью, это расширит представление читателей во всем мире о древнейших пластах культуры человечества.

Существующие переводы материалов адыгского фольклора, в том числе текстов Нартского эпоса, хотя и составляют уже солидную базу для всестороннего изучения адыгского устно-поэтического творчества, к нашему величайшему сожалению, неравноценны как с точки зрения их научного перевода, так и научной подготовки к публикациям.

История перевода фольклорных произведений сравнительно молода. Она берет начало в первой половине XIX в. и связана с именами просветителей Хан-Гирея (1808-1842) [10], Шоры Ногма (1794-1844) [9], Кази Атажукина (1841-1899) [2]. Эти знатоки устно-поэтического творчества пытались исследовать, классифицировать и переводить адыгские народные песни на русский и др. языки, чтобы представить европейскому читателю адыгские сказания.

Устно-поэтическое творчество адыгов (черкесов) привлекает также и внимание зарубежных специалистов. Прежде всего отметим публикации французского кавказоведа Жоржа Дюмезиля [4, 5, 11], внесшего большой вклад в развитие адыгской фольклористики. Его работы имеют важное значение, поскольку отражают культурно-исторические особенности адыгов.

Следует сказать о публикациях текстов на различных диалектах зарубежных адыгов и другого французского ученого – Катарини Пари [12].

В современной кабардино-черкесской литературе принципы перевода, различные по характеру и способам, но вместе с тем мотивированные определенными задачами, представляют мало исследованную часть национальной литературы. Принципы художественного перевода, ориентированные на воссоздание на другом языке эквивалентного эстетического феномена, адекватного оригиналу, являются, несомненно, ведущими. Однако ни общей теории по принципам перевода, ни серьезного анализа конкретных произведений до настоящего времени в кабардинской литературной критике и литературоведении нет (за исключением наших работ) [С.М. Алхасова. Становление и развитие художественного перевода в кабардинской литературе. КБНЦ РАН, Нальчик, 2006]. Между тем принципы перевода как явление – одна из важнейших частей теории перевода, и ей надлежит уделить достойное внимание.

Адыгское переводоведение – это часть российской науки о переводе, то есть пока мы не можем ее обозначить как отдельную теоретическую микросистему, выработавшую свою терминологию. Практические достижения адыгского переводоведения на сегодняшний день можно определить по его вкладу не столько в терминологию, сколько в методологию перевода. В ней существует тенденция комбинирования различных принципов и методов, что, к сожалению, часто ведет к эклектизму.

Не следует упускать из виду такой важный аспект. Если переводчики с основных европейских языков имеют колоссальный опыт – тысячи переведенных книг в активе, найденные и освоенные устойчивые принципы и методы перевода, различные приемы разрешения определенных трудностей, то в адыгском переводоведении об этом говорить не приходится. В распоряжении переводчиков с европейских языков десятки справочников различного порядка: терминологических, исторических, географических и т.д. Эти переводчики и теоретики могут заниматься проблемами высшего ряда. Вот почему хотим оговориться и вслед за И.А. Кашкиным повторить, что в связи с вышеизложенным мы допускаем, что наша работа может содержать «эмпирику необобщенных примеров». И, естественно, мы можем обращаться только «... к вопросам, возникающим лишь на определенном уровне» [7, с. 24].

Нам хотелось бы подчеркнуть: и переводчикам, и теоретикам литературного перевода, работающим в области литератур малых народов России, в данном случае – адыгской литературы, допустимо проводить анализ применительно к своему определенному уровню. Только с учетом этого уровня развития как литературы, так и переводческой школы, мы можем взяться за разработку теоретических проблем или частно-теоретических вопросов.

Проблемы, занимающие нас, носят пока еще не возвышенно-теоретический, а несколько «приземленный» характер, поскольку связаны они прежде всего с условиями нашего бытия. Заранее отвожу упрек в стремлении бросить тень на общее состояние перевода с кабардинского и адыгских языков вообще. Если для доказательства отдельного положения мы берем некоторые негативные примеры из конкретного перевода, это отнюдь не означает, что данный перевод тем самым перечеркивается. Тем более, что речь пойдет не только о недостатках, но и о достоинствах переводных текстов.

Итак, прежде чем обратиться к анализу переводов, необходимо рассмотреть некоторые исторические вехи. Проследим кратко историю развития и становления кабардинской письменности и литературы, а вместе с ней и перевода.

Подобно тому, как литература выросла из народного творчества – фольклора, перевод художественных произведений является детищем перевода адыгских фольклорных творений. Свое начало перевод адыгских текстов (поначалу фольклорных) берет в XIX веке. Как показывает история, перевод адыгских текстов в XIX веке колебался между господствовавшими в то время способами вольного и буквального переводов. Первый – дословно точный, но художественно неполноценный перевод. Второй – далекий от оригинала, вольный перевод.

К настоящему времени накоплен огромный материал адыгского устно-поэтического творчества. В собирании, публикации и переводе фольклорного материала принимали участие представители разных поколений. Собранный за полтора столетия богатый и разнообразный материал показывает, что адыгский фольклор представляет собой традиционное искусство устного слова со своими неповторимыми выразительными средствами живой речи, сложившимися на протяжении многих веков. Сердцевину адыгского фольклора составляет Нартский эпос. Исследуя нартские песенные тексты, А.М. Гутов пишет: «Героические сказания о богатырях-нартах бытуют у многих народов Кавказа – адыгов, вайнахов (чеченцев и ингушей), абхазцев, абазин, балкарцев, осетин, убыхов, дагестанцев и в горных районах Грузии: сванов, хевсуров, рачинцев» [3, с. 3].

В условиях отсутствия письменной традиции Нартские сказания сохранились в народной памяти на протяжении многих столетий благодаря своему неувядаемому художественному обаянию. Но этот замечательный народный памятник устной поэзии сравнительно недавно стал достоянием истории мировой культуры. Научное изучение, например, Нартских адыгских сказаний (как интенсивное записывание, собирание и в очень малой степени – перевод текстов), по сути, начинается с 50-х годов нашего столетия.

Эпический памятник «Нарты» позволяет судить о ранних формах познания мира. Он содержит в себе мифологические и исторические истоки. А это важно не только в познавательном плане, но и в плане изучения истории словесного искусства в его соотношении с действительностью. Эпос пролагал путь развитию повествовательного искусства.

Как свидетельствуют результаты впервые проведенного нами анализа, с конца XIX века (времени появления первых переводных текстов адыгского фольклора) до настоящего времени сложились исторически пять типов перевода:

1. Вольные переводы Ш. Ногмова и К. Атажукина.
2. Лингвистический или трехлинейный перевод Л. Лопатинского.
3. Научно-художественный перевод издателей академического сборника 1936 года «Кабардинский фольклор».
4. Собственно поэтический перевод, принятый ИМЛИ в серии «Памятники эпоса народов СССР».
5. Структурный перевод текстов, выраженный в музыкальной передаче с обязательным сохранением средств.

Отличительной чертой имеющих методов перевода в адыгском фольклоре является то, что эти способы и методы различаются по двум векторам. Первый вектор можно

назвать литературно-поэтическим. Вначале своего формирования он выглядел как вольный перевод. Второй вектор является чисто лингвистическим. Здесь различаются также буквальный (апоэтический) способ фольклористического перевода. Эти виды или способы фольклорного (или фольклористического) перевода представляют собой исторически обусловленную закономерность. Но существенно, до конца не решают вопрос эквивалентности оригинала и переводного текста. Они отвечают сути переводимости текста только в каких-то своих параметрах и не могут соответствовать максимальной адекватности перевода оригиналу эпического текста.

Есть еще одна существенная отличительная черта в фольклорных текстах и их способах перевода: нет четкой границы между фольклористическим и литературно-художественным методами. Они органично перемежаются, взаимодействуя друг с другом разными совокупными признаками.

Обратимся к фактам из истории перевода эпоса, чтобы выявить эти параметры.

Пример из адыгского нартского эпоса, *Сказания о нарте Бадиноко*:

Мы хахуэр къэгубжыц, дакІэжь
МафІэуэ зэцІонэ.

Буквальный перевод А. Алиевой:

«Разгневался храбрец, словно старый пень,
Огнем разгорается».

Перевод К. Атажукина:

«(сказав эти слова) Пшибаноко вспылит
подобно тому, как загорается
пламенем костер из сухих древесных пней».
(СМОМПК, II, 29).

Если современный переводчик А. Алиева дает современную дословную *параллель* к этим строкам, то К. Атажукин вводит в перевод пояснительные слова в большом количестве, что не только изменяет и искажает смысл оригинала, но и не передает дух Нартского сказания, его краткость и динамичность.

Пример из этого же сказания о Бадиноко, фрагмент, где он говорит сам о себе:

- Сы ешхакІуэ-ефакІуэкъым, сы лэгъунакІуэ
щауэкъым сэ, сы хьэхугъуэ бэщІкъым,
сы ябгэ щІыхьэхущ, нарт щауэгъу сольхьу,
уи лЫжбыгъэм семыплътэм, етІанэгуи зэ соуэнт.

Подстрочный перевод А. Алиевой:

– Я не обжора и не пьяница, я не юноша,
шатающийся по лагунэ*, я не беру займы
много, я дающий другим удаль;
я ничего чужого не носящий всадник,
нарта-соратника я ищу,
на твою старость если бы не посмотрел,
ударил бы тебя и второй раз.

* *Лагунэ* – специально отведенная комната для новобрачных (комната для молодой пары, отделенная от остальной части дома).

Перевод К. Атажукина:

– Я не искатель пиршеств и не обычный посетитель лагунэ;
Я не ищущий покровительства и милостей,
а борьбы и подвигов мужества; я никому не обязан;
я свободный и безупречный наездник и в соперники нарта ищущий.
Зачем вернул ты меня, чтобы сообщить бабы сплетни.
Не почти я старости твоей,
я избил бы тебя опять!

(СМОМПК, (II, 31)).

В этом случае перед нами скорее даже литературный пересказ эпического текста, хотя и близкий к подлиннику. А вот как этот же фрагмент переведен Михаилом Талпа:

– Меня не соблазнят ни едой, ни питьем.
Я не хожу на пирушки. Я не из тех,
кто шатается по лагуне. Я думаю,
Единственно, об удали. Я непобедимый всадник
И ищущий себе под стать молодца нарта [2, с. 14].

Здесь отступления от оригинала немногочисленны, но встречаются пропуски и переосмысления отдельных выражений. В литературном отношении текст Кази Атажукина, безусловно, превосходит непритязательный опыт М. Талпы. И в переводе М. Талпы, и в переводе К. Атажукина есть определенные отступления от подлинника, но у Атажукина характер нарта Бадинокко раскрывается полнее. Однако об эпитетике текста и здесь нельзя судить достаточно точно, так как «прибавлений эпитетов» в переводе Атажукина более чем достаточно. Конечно, нет никаких оснований отрицать, что сохранение эпитетики оригинала – существенный критерий адекватности перевода народной песни. Но именно рифмованные переводы сопряжены с отступлениями от определенной системы, нередко эти отступления бывают просто неизбежны. Это приводит к односторонней передаче формы в ущерб содержанию.

Эпический текст в его живом звучании – это совсем другой текст, чем просто письменный. Читая письменный перевод, мы никогда не услышим настоящую интонацию, не почувствуем подлинную экспрессию, мелодию, ритм, музыку стиха эпического текста. Вот как об этом пишет С.И. Липкин: «Предметом нартоведения является, помимо установления общности, анализ национальной самобытности – не говоря, разумеется, о языке, – каждой из версии эпоса» [8, с. 12]. Ответ на этот вопрос следует искать прежде всего в анализе изобразительных средств. И здесь на первый план выступает ритм эпоса. В самом деле, вдумавшись в удивительное явление: сюжеты нартских сказаний разных народов во многом схожи, но их ритмы всегда самобытны, всегда национальны, не похожи друг на друга.

С. Липкин пишет: «Как хорошо было найти на русском языке соответствие старинному кабардинскому стиху, который движется так, как дорога в горах, зигзагообразно, слово в конце строки находит отзвук в середине последующей. Испокон веков балкарцы соседствуют с кабардинцами, много общего в их нартских сказаниях, но музыка балкарского стиха резко отличается от музыки стиха адыгов: сразу видно, что это музыка народа тюркоязыческого, и высокая организация его стиха несомненна» [8, с. 14].

Казалось бы, ближе к просодии адыгов должна была быть просодия абхазских сказаний вследствие общности происхождения народов, но записи вариантов из уст разных сказителей привели к выводу, что в абхазском эпосе есть одна характерная черта, редко встречающаяся в других памятниках, это разноstopный стих:

«Идет величавая мать Сатаней,
Родившая богатырей,
Не солнце, а солнечным светом полна,
Сверкает, хотя не луна...»

Если говорить о живом звучании, о ритмизации перевода с приближением к оригиналу (о работе с фонограммой), то здесь более всего удачны переводы авторов издания «Народных песен» [9, с. 78]. За основу здесь взят эквиритмический перевод: он ритмизирован, положен на ноты. Но существенным недостатком его является то, что авторы пошли по пути сквозных соразмерных подстановок в музыкальном издании: под нотной строкой дана подтекстовка на адыгском языке, а к ней подобрана русская строка, в которой было бы столько же слогов и ударений; а это вынуждает отходить от реального содержания. В результате получается перевод формы в ущерб содержанию, так же, как и в рифмованных переводах. Однако, на наш взгляд, этот способ перевода обладает большей суммой достоинств, чем недостатков: он верно передает ритм и мелодию эпического произведения, которые способствуют верному восприятию глубокого национального эпического произведения.

Особенностью специфики перевода и подачи в названных нами «Народных песнях...» [9, с. 74] является то, что адыгский Нартский эпос представлен не только как жанр поэтический, но и как жанр песенный, музыкальный.

К примеру, многие поэтические тропы в отрыве от звуковой оболочки теряют не только благозвучие, но и смысловое значение. В результате длительного употребления свой первоначальный смысл утратили целые формулы, такие как «хьэгъуфэгъ-ухэри бэщIа», «хьагъуэ - шьугъу бэщIыба», «хьэрху-эрыгъу бэщI» и подобные им вариации развернутого эпитета нарта Бадиноко. А переведен этот троп как «завистников много наживающий». Утрата смысла и дала возможность каждому исполнителю по-своему модифицировать подобные формулы, причем каждая модификация была попыткой интерпретировать непонятное место. Переводчики за основу брали наиболее понятную, подходящую по смыслу и часто встречающуюся версию. Сравните:

1. Уэ-уи, уэ-уи, уэ-уи, уэ-уи,
Нартхэ ди Бадынокъуэ...
Ежью: Уэрирэ, уэрирэ, уарира!
2. Нартхэ ди лЫ икъугъэ...
Ежью: Уэрирэ, уэрирэ, уарира!
3. Чынтыр зи ныкъуэкъуэгъуи.
Ежью: Уэрирэ, уэрирэ, уарира!
4. Хьэрхужрэгъэ и бащэ...
Ежью: Уэрирэ, уэрирэ, уарира!
Уа-уи, уа-уи, уа-уи, уа-уи,

1. Нарт наш Бадиноко...
Все: Уарира, уарира, уарира!
2. Нартов витязь доблестный...
Все: Уарира, уарира, уарира!
2. Чинты чьи противники...
Все: Уарира, уарира, уарира!
4. Завистников много наживающий...
Все: уарира, уарира, уарира! [9, с. 74].

Следует подчеркнуть, что в большинстве случаев (несмотря на названные недостатки) авторам перевода удалось сохранить образную систему и структуру оригинала. Удалось воссоздать не просто ритм подлинника на другом языке, но и особенности воссоздания эпоса, тоже глубоко национальные.

Но большим недостатком данного способа перевода является то, что сознательно жертвуются ритмика и фоника самого стиха.

Как видно из вышеизложенного, современное состояние перевода адыгского фольклора и других текстов дооктябрьского периода остается недостаточно удовлетворительным, хотя в предшествующий период проведена значительная и весьма полезная работа в этом направлении.

Итак, адыгский фольклор, в особенности Нартский эпос, труднее всего поддается переводу. И происходит это потому, что в нем национальный характер живет более определенно и полно, чем в любом другом шедевре искусства, потому что он прежде всего первоприроден и неповторим. И для более полного познания русским читателем адыгских эпических памятников необходим наиболее приемлемый способ перевода. Иначе – требуется перевод нового типа. Он должен, прежде всего, диалектически вобрать в себя то положительное, что накоплено за всю историю переводов адыгского фольклора. Разработка основ такого перевода – тема отдельной, специальной работы. Но мы возьмем на себя смелость наметить некоторые пути или способы, которых можно было бы придерживаться при переводе эпического произведения:

Во-первых, перевод должен отражать, прежде всего, национальную содержательность в полном объеме и его художественную природу. А для этого при переводе необходимо соблюсти не только внешнюю форму, но и содержание. Но передача содержания не чисто механическая (как это бывает при лингвистическом переводе), а с соблюдением художественности: особенности изобразительных средств, специфика поворотов, прямой речи и способы их введения, членение на стихи, параллелизм образов, строение поэтических формул-характеристик и тому подобное.

Во-вторых, принимая во внимание специфику строения адыгских эпических памятников, следует стремиться к адекватной передаче устойчивых, типизированных эпических формул – характеристик и реплик нартских сказаний; это «паспорт» нартов-героев, описание хасы, санопития, рукопашной схватки, обращений к друзьям, к врагам и т.д. А в песенных вариантах – «Народных песен...» – ритмизировать перевод с приближением к оригиналу – фонограмме. При этом, не отступая от смысла, ритмизировать перевод только за счет перемещений в строке или подбора синонимов. Разделение строк в строгом согласии с фонограммой. Работа с лексикой перевода; расшифровка «темных мест», непереводаемых фразеологизмов с узколокальными или архаичными словами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алхасова С.М. Проблемы перевода адыгского фольклора: автореф. дис. ...канд. фил. наук. Махачкала, 1993. 32 с.
2. Казы Атажукин. Из кабардинских сказаний о нартах // ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. 5. С. 47-71.
3. Гутов А.М. Введение / Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. I-III. М., 1980-1991. С. 5.
4. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976. 276 с.

5. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты: сокр. пер. с франц. М.: Наука, 1990. 232 с.
6. Кабардинский фольклор. М.-Л.: АCADEMIA, 1936. С. 14-15.
7. Кашкин И. Вопросы художественного перевода. М.: Наука, 1955. С. 24.
8. Липкин С. Кабардинская эпическая поэзия. Избранные переводы. Нальчик, 1956. С. 12, 14.
9. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. М.: 1981. Т. I. С. 74, 78-79. // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. I-III. М., 1980-1991.
10. Ногма Ш.Б. Филологические труды. КНИИ, Нальчик, 1956. Т. I-II.
11. Хан-Гирей. Записки о Черкесии: сборник фольклорно-этнографических работ. Тифлис: СМОМПК, 1872. Вып. 6. С. 24-69.
12. Dumezil G. Le verbe oubuykh/ Me'mlelees – lettres Nouvelle serie. T. I. Paris, 1975.
13. Paris Catherin. Systeme Phonologique dans le parler Besney de Zennun koyu (Tcherkess oriental) / Collection linguistique public par la societe de linguistique de Paris LXIX. Paris, 1874. 248 p.

REFERENCES

1. Alkhasova S.M. *Problemy perevoda adygskogo fol'klora: avtoref. dis. ...kand. fil. nauk* [Translation problems of Adyghe folklore: Thesis for the degree for Candidate of Phil. Sciences]. Makhachkala, 1993. 32 s.
2. Kazi Atazhukin. *Iz kabardinskikh skazaniy o nartakh* [Kazi Atazhukin. From the Kabardin Nart Epic] // SSSG. Tiflis, 1871. Issue. 5. S. 47-71.
3. Gutov A.M. *Vvedeniye* [Introduction] / *Narodnyye pesni i instrumental'nyye naigryshi adygov* [Folk songs and instrumental tunes of Adyghe]. T. I-III. M., 1980-1991/ S. 5.
4. Dumézil G. *Osetinskiy epos i mifologiya* [Ossetian epic and mythology]. M.: Nauka, 1976. 276 p.
5. Dumézil G. *Skify i narty: sokr. per. s frants* [Scythians and Narts. Abbr. trans. from the French]. M.: Nauka, 1990. 232 s.
6. *Kabardinskiy fol'klor* [Kabardin folklore]. M.-L.: АCADEMIA, 1936. P. 14-15.
7. Kashkin I. *Voprosy khudozhestvennogo perevoda* [Problems of literary translation]. Moscow: Nauka, 1955. 24.
8. Lipkin Semyon. *Kabardinskaya epicheskaya poeziya. Izbrannyye perevody* [Kabardian epic poetry. Selected translations]. Nalchik, 1956. P. 12, 14.
9. *Narodnyye pesni i instrumental'nyye naigryshi adygov* [Folk songs and instrumental tunes of the Adyghe]. M.: 1981. Т. I. P. 74, 78-79 Т. I-III. М., 1980-1991.
10. Nogma Sh.B. *Filologicheskiye trudy* [Philological works. Kabardin Research Institute]. T. I-II. Nalchik, 1956.
11. Khan-Girey. *Zapiski o Cherkesii: sbornik fol'klorno-etnograficheskikh rabot* [Khan Girey. Notes on Circassia, a collection of folklore and ethnographic works]. Tiflis: SMOMPК, 1872. Issue. 6. S. 24-69.
12. Dumezil G. Le verbe oubuykh / Me'mlelees - lettres Nouvelle serie. T. I. Paris, 1975.
13. Paris Catherin. Systeme Phonologique dans le parler Besney de Zennun koyu (Tcherkess oriental) / Collection linguistique public par la societe de linguistique de Paris LXIX. Paris, 1874. 248 p.

MODERN PARALLELS TO TRANSLATIONS OF EPIC TEXTS

S.M. ALKHASOVA

Institute of Humanitarian Researches –
branch of the FSBSE “Federal Scientific Center
“Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”
360000, KBR, Nalchik, 18, Pushkin street
E-mail: kbigi@mail.ru

The ways of folklore translation are considered. The author pays attention to the history of translation of Adyghe folklore. The results of the material of the Adyghe oral-poetic creativity accumulated to date are presented. It is emphasized that both translators and literary translation theorists working in the field of literature of small peoples of Russia, in this case – Adyghe literature, are allowed to carry out the analysis in relation to national folklore texts, namely, the Nart epic. The analysis of the translation of texts will be productive only if, in addition to the steady reproduction of the metaphorical dichotomy "adequate \ inadequate translation", it is necessary to take into account the cultural and historical aspect in which the issues under discussion become concrete (become a cultural and historical reality). Attention is paid to the development of theoretical problems or private theoretical issues. It is shown that the problems that occupy the author of the article are still experimental. Representatives of different generations took part in the collection and publication and translation of folklore material.

The relevance of the study is due to the fact that the analysis is based on the rich and diverse material collected over a century and a half. The author shows that Adyghe folklore is a traditional art of oral speech with its unique expressive means of live speech, developed over many centuries. It is proved that the core of Adyghe folklore is the Nart epic. The results of the analysis of methods and techniques of translation of the epic text are presented. The question of extremely free, liberal ways of translating folklore is raised. The relevance of the study is also in the fact that these problems are clearly defined at the present stage.

The author comes to the conclusion that these are not ready-made recipes for the translation of the epic text, but the author's development of the problem is offered partially.

Scientific and methodological conclusions from the theoretical part of the work are the result of the analysis of a number of published works, as well as the result of their own observations on the peculiarities of the translation process, observations that the author conducted over the years of his work to teach students the basics of professional translation.

Key words: folklore, methods and methods of translation, poetic, apoetic text, Nart epic, maximum adequacy, linguistic, folkloristic.

Работа поступила 24.07.2019 г.